

КРЕПОСТЬ НА НАБЕРЕЖНОЙ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Трух - 1997 - 21 окт. - с. 2.

- Сталин! - говорит Тамара Тер-Эгизарян голосом, полным гордости. - Однажды он приходил в наш дом...

Она бросает короткий взгляд на портрет генералиссимуса, как если бы она собиралась выдать государственную тайну.

- Он посетил свою дочь Светлану, нездолго до этого родившую ему внука.

Старая дама сидит за старым столом между пожелтевшими фотографиями и рисунками, планами и документами. Уже много лет она занимается историей необычайного жилого дома, находящегося напротив Кремля, дома, который во всей России известен как "Дом на набережной".

- Этот дом как никакой другой наложил свой отпечаток на историю нашей Родины, - рассказывает она. - Здесь жили люди, выигравшие вторую мировую войну и создавшие советскую индустрию.

Статистика действительно впечатляет: начиная с 1931 года, когда в дом после четырехлетнего строительства въехали его первые жильцы, там проживали 63 министра, 94 замминистра, 19 маршалов и адмиралов, многочисленные исследователи и изобретатели, поэты и писатели. Сегодня 35 улиц в Москве носят имена бывших жильцов "Дома на набережной", а многие школы, детские дома и дома культуры также названы в их честь. 26 жильцов увековечены памятными досками на стене дома.

Шестьдесят лет подряд "Дом на набережной" считался первым адресом Советского Союза. Проект знаменитого архитектора Бориса Иофана, рассчитанный на 505 квартир и приблизительно на 3.000 жильцов, предусматривал тогда самый большой и современный жилой комплекс в Европе - первый дом в Москве с центральным отоплением и горячей водой, с газом и телефоном в каждой квартире. В "Доме на набережной" были свой собственный продуктовый магазин, парикмахерская, почта и телеграф, прочная, детский сад и ясли, поликлиника и аптека, спортивный зал и площадка для игры в теннис, библиотека и зал для игры в бильярд. В трех прямоугольных внутренних дворах били фонтаны.

Тамара Тер-Эгизарян (90 лет), электроинженер на пенсии, может часами рассказывать о своей жизни в "Доме на набережной". Она въехала сюда в 1932 году вместе со своим братом - одним из первых большевистских функционеров.

- В то время здесь жили в основном старые большевики - участники революций 1905 и 1917 годов, соратники Ленина, - вспоминает она. - Они жили скромно, государство предоставляло им простую мебель, питаться ходили в столовую. Однако уже скоро началось инсценирование Сталиным мании преследования: повсюду видели шпионов и заговорщиков. "Дом на набережной" превратился в крепость, на каждой лестничной площадке сидели охранники из органов НКВД. Они впускали в дом посетителей лишь только после того, как получали от приглашающих разрешение по телефону. Ни один посетитель не имел права переночевать в "Доме на набережной" без письменного разрешения. На каждый предмет (даже на книгу), который выносился из "Дома на набережной", нужно было выписать "пропуск".

Тер-Эгизарян вспоминает:

- Ученики НКВД должны были тогда сдавать экзамен. Успешно сдавал его тот, кому удавалось переписать охранников "Дома на набережной" и добраться до какой-нибудь квартиры без телефонного предупреждения. Однако очень скоро жильцов "Дома на набережной" стали не только охранять - их самих стали прослу-

шивать, а каждое их движение контролировать. У соратников Ленина Лепешинских энкаведешники сидели в скрытой нише в стене и подслушивали их. Иногда оттуда доносился глухой кашель, иногда несло махоркой. Списки жильцов велись органами НКВД: до сих пор не удалось восстановить имена всех проживавших в "Доме на набережной". В 1937 году начались репрессии, через год каждая пятая квартира в "Доме на набережной" опустела.

- Когда мы ночью слышали, что кто-то едет на лифте, мы все дрожали от страха, - станет Тамара Тер-Эгизарян.

НКВД являлся чаще всего в 2 или 3 часа ночи. Арестованным давалась одна минута, чтобы взять с собой необходимые вещи. После этого двери запирались и пломбировались, дети направлялись в сиротские дома.

- В нашем доме были открытые лифты, - рассказывает Тама-

Архитектор Иофан, построивший "Дом на набережной" и мечтавший воздвигнуть Дворец Советов, оставил свою квартиру внуку - Сергею Макарову.

ра. - Чаще всего мы проезжали наш этаж, чтобы проверить, не запломбирована ли дверь нашей квартиры.

По крайней мере, 400 жильцов "Дома на набережной" подверглись в то время преследованиям, многие из них были расстреляны, другие сосланы в лагерь. Ирония судьбы: жертвы и палачи жили в "Доме на набережной" нередко в одном и том же подъезде. Правда, чаще всего палачи впоследствии сами становились жертвами. Жестокие судьбы жильцов отразились в названии этого здания. Очень скоро его стали называть "Домом на крови", или "Кремлевской тюрьмой".

События тех лет писатель Юрий Трифонов изобразил в своем знаменитом романе "Дом на набережной": писатель, отец которого также был расстрелян в 1937 году, жил 6 лет в этом жилом блоке советской "номенклатуры".

Когда Арчил Гомишвили, известный артист кино, вселился в "Дом на набережной" в 1973 году, мрачные времена уже давно прошли.

Однако: - Я сразу же послал за священником, чтобы освятить

Для хранилища музея Тамары Тер-Эгизарян Сталин - это тоже часть истории ее дома.

гитлеровского рейха Альбертом Шпеером. Он делал наброски МГУ и советских выставочных павильонов в Париже и Нью-Йорке. Но его самый грандиозный проект - Дворец Советов - не был осуществлен. Башня дворца, которая должна была быть увенчана гигантской статуей Ленина в 100 метров высотой, вышлась бы на 415 метров над уровнем земли. Сталин хотел построить Дворец Советов на месте взорванного Храма Христа Спасителя. А сегодня модель Дворца находится в старой квартире Иофана в "Доме на набережной" - напротив воссозданного Храма.

- Это не правда, что мой дед выступал за взрыв Храма Христа Спасителя, - протестует исследователь морских глубин Сергей Макаров, происходящий со стороны матери от Евдокии Ржевской - любовницы царя Петра Великого. - Наоборот, он хотел построить Дворец Советов на высоком берегу Москва-реки, там, где сейчас находится президиум Академии наук. Иофан был храбрым, бескомпромиссным человеком - даже спорил с шефом НКВД Лаврентием Берия.

Старая, темная, уже без ремонта, квартира, полна вещей, напоминающих о Борисе Иофане и его озорвательной жене Ольге - русско-итальянской княгине. Архитектор познакомился с ней во время своей учебы в Италии, а так как оба симпатизировали коммунистам, то и переселились в середине 20-х годов в Советский Союз. В рабочем кабинете Иофана, где сегодня внук Сергей чертит свои сложные диаграммы и карты, висят старые рисунки и картины, повсюду кучи книг и фотографий.

- В этой комнате собирались самые знаменитые архитекторы Советского Союза, - рассказывает Макаров. - Моя бабушка, будучи большой любительницей искусств, вдохновляла их всех. Сегодня в большой квартире (140 кв.м) проживают три поколения наследников Иофана. Потолки в комнатах имеют высоту 4,5 метра.

- Если перегорает лампочка, то у нас проблема, - улыбается Макаров. - Заменить ее можно лишь в том случае, если мы поставим лестницу на стол. Тут нужны акробатические способности. Сергей Макаров работал 30 лет в Институте морских исследований. Сегодня он занимается прогнозированием космической активности, проблемами космического излучения.

- В Москве есть определенные места, где особенно велика опасность инфаркта и инсульта, - го-

ворит он. - К ним относится и "Дом на набережной".

Однако о переезде он не думает. "Чтобы приспособиться к новому окружению, человеку нужно потратить много энергии. В моем возрасте ничего подобного уже не следует делать". И тем не менее многие старые жильцы "Дома на набережной" покидают его и сдают свои квартиры "новым русским" и иностранцам.

- В нашем подъезде сегодня проживают только две русские семьи, - рассказывает Андреас Хофманн, руководитель представительства машиностроительной фирмы "Виртген" в России. - Остальные жильцы приехали из США, Германии, Швейцарии и Японии.

Законы рыночной экономики побеждают: за привилегию наслаждаться из окна собственной квартиры видом Кремля, новые жильцы платят в месяц от 5.000 до 8.000 долларов. За эти деньги потомки представителей старой номенклатуры могут купить себе квартиру в менее престижных районах, а кроме того, жить беззаботно. Стоимость квартиры в "Доме на набережной" колеблется сегодня от 500 тысяч до 1 миллиона долларов.

Когда Хофманн после 7-месячного ремонта ("Я думал, что он никогда не кончится!") въехал в 1995 году в "Дом на набережной", он познакомился с его кровавой историей.

- Тогда мне стало действительно не по себе, - говорит менеджер.

Однако его русская жена Наташа отмахивается:

- В России у каждого дома своя трагедия.

Наташе больше мешают практические обстоятельства. Хотя квартира очень светлая, просторная и оборудована в западном стиле, но, однако, очень шумная: окна квартиры выходят на Большой Каменный мост.

- Окна просто невозможно отключить, - жалуется эффектная брюнетка. - Хотя у нас двойное остекление, все равно постоянно слышишь шум проезжающих автомобилей. А к тому же здесь вблизи нет никакого парка, в котором я смогла бы гулять с маленькой Стефанией.

"Дом на набережной" имеет невзрачный и мрачный вид. По сравнению со стилем сталинских "пряничных дворцов" его прямоугольные блоки кажутся грубыми, тяжеловесными и скучными. Его грязно-серые стены были покрашены в светло-серо-бежевые тона лишь к 850-летию Москвы. Ни один другой дом в Москве не был арендой таких многочислен-

ных любовных драм и трагедий, ни в одном другом доме в Москве не существует так много загадок и тайн. Жильцы этого дома выбрасывались из окон, стреляли себе в голову и вешались. Школьница Нина Уманская - дочка знаменитого дипломата - была убита Владимиром Шахуриным, так как она отвергла его любовь; после этого шестнадцатилетний Ромео совершил самоубийство. Два года назад о другом убийстве сообщили на первых страницах многих газет: Лена Александрова - внучка Бориса Александрова, руководителя ансамбля песни и пляски Советской Армии, была задушена своим женихом. Убийца спрыгнул с матацем и бежал, укрыв несколько ценных картин из собрания ее дедушки. Убийцу так и не нашли.

Квартира Александровых - настоящий музей: мебель XVIII века, старые венецианские бокалы, немецкие фарфоровые фигурки, старые часы и картины.

- Мы вкладывали все наши деньги в антиквариат, - говорит Ольга Александрова, любезная старая дама. - А теперь мне уже пришлось продать самые ценные из оставшихся картин, так как понадобились деньги на памятник моему мужу и на похороны моей внучки. Ведь пенсии не хватает ни на то, чтобы жить, ни на то, чтобы умереть.

Ольга Александрова получает в месяц пенсию в размере 460 тысяч рублей. Несколько картин приобрел художник Илья Глазунов.

Ольга Александрова вела в свое время очень оживленную жизнь. Вместе со своим супругом и ансамблем она объездила полмира.

- Мы были в Китае и Италии, в Англии и Чехии, - вспоминает она. - Вначале публика была большей частью сдержанна, но после представления нас благодарили с восхищением.

Первую поездку в Германию ансамбль предпринял уже в 1947 году, когда Берлин был еще в развалинах: "У меня было очень странное чувство".

Во время всех этих путешествий она заботилась о своем супруге. Следила, чтобы его военная форма сидела на нем всегда безупречно, а если он слишком выпивал, то сама доставляла его в постель. После его смерти ее жизнь стала одинокой.

- Без потерейных телевизионных передач и мыльных опер все было бы просто невыносимо, - улыбается старая дама, которая может передвигаться только на костылях.

Единственное светлое пятно - внук, который хочет пойти по дороге деду в качестве хормейстера. Он живет вместе с ней в большой темной квартире (260 кв.м), окна которой выходят на Храм Христа Спасителя. В нем

отец Бориса Александрова пел в церковном хоре - позднее он написал мелодию Гимна Советского Союза.

- Я не могу сказать, что симпатизирую сегодняшним коммунистам, - возбужденно говорит вдова. - Но новая Россия принесла только несчастье всему тому, что мне мило и дорого. Бориса Александрова убили на пенсию, ансамбль распался и состоит сегодня только из 42 человек (раньше их было 180).

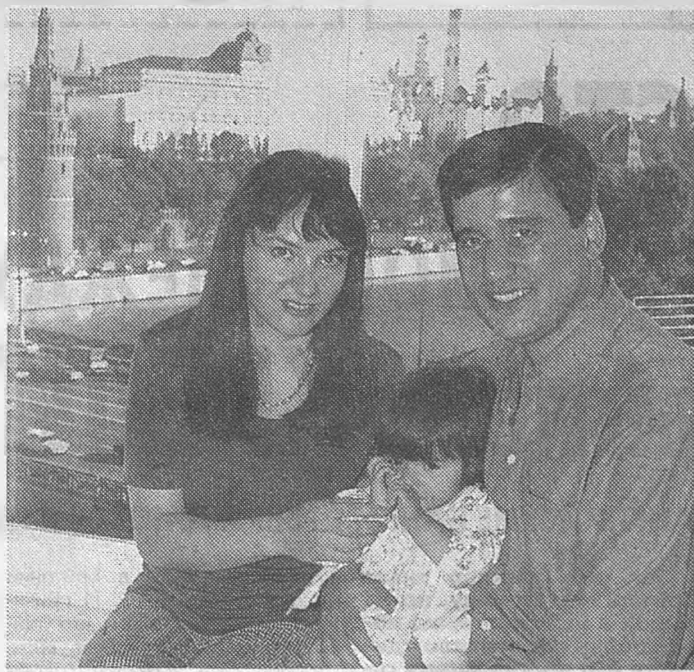
Во время перестройки основательно изменился и "Дом на набережной". В образцовое коммунистическое общежитие вселился капитализм. В кинотеатре "Ударник" открылся автосалон фирмы "Крайслер". Частный "Мост-Банк" открыл там свой филиал. В бывшей неприглядной овощной советской лавке раскинулся шикарный (и страшно дорогой) супермаркет "Седьмой континент".

Уже тогда Тамара Тер-Эгизарян предложила основать музей "Дома на набережной". Эту идею резко отклонила местная партийная организация, желавшая сохранить в тайне частную жизнь коммунистической элиты. Однако Тамара Тер-Эгизарян добила своего. В двух маленьких комнатках первого этажа были собраны несколько экземпляров старой мебели и предметов убранства жилья, старый граммофон и радиоприемник. На стенах висят фотографии знаменитых жильцов "Дома на набережной", планы квартир и рисунки, старые документы органов НКВД и списки репрессированных. Каждые два месяца здесь происходит встреча жильцов дома и их гостей: рассказывается история отдельных подъездов, изучаются биографии живших и живущих там людей.

Как и все культурные учреждения в России, этот маленький музей борется за свое выживание. Тамара Тер-Эгизарян заразила своим энтузиазмом четырех пожилых женщин, но их силы на исходе. Нет денег. Правда, электричество, отопление и водоснабжение оплачивает домоуправление, но в остальном музей зависит от пожертвований.

"Мост-Банк" однажды подарил музею много канцелярских принадлежностей и отремонтировал его помещение. А одна из встреч в музее финансировалась фирмой "Макдоналдс": Марк Вайнер - шеф московского отделения этого всемирного концерна, также проживающий в "Доме на набережной", распорядился угостить стареющих потомков "номенклатуры" своими "биг-маками".

Андрей РЫБАК, корреспондент еженедельника "Ди Вохе" (ФРГ) - специально для "ДВ".

Новые жильцы - чета Хофманнов - пытаются забыть о прошлом своего дома.